В связи с приближающимся юбилеем — 400-летием города Тары редакция обратилась с просьбой к Владимиру Павловичу Сукачу, нашему общественному корреспонденту, проживающему в г. Жуковский Московской области, написать материал о тарских воеводах. Было это три года назад. Много времени, настойчивости, поисков требовала тема. И вот долгожданный материал в редакцию поступил. С сегодняшнего номера мы начинаем публикацию исторического очерка В. П. Сукача «Тарские воеводы». Думаем, что очерк вызовет живой интерес тарчан.

«... А в Сибири ныне живут государевы воеводы и люди многие и дань с Сибирской земли Государю идет многая».
(Из сибирской летописи XVII века)

В. Сукач

ТАРСКИЕ ВОЕВОДЫ

Часть I — Исторический очерк

Воевода... Какое емкое и удивительное по содержанию древнее русское слово, с которым у каждого из нас, еще со времен детства связано представление, как о храбром, волевом, надежном и справедливом человеке, стоящем во главе ратных людей или целого города. Невольно вспоминается некрасовское: «Мороз — воевода дозором обходит владенья свои».

На Руси воеводы в качестве начальника княжеской дружины или главы народного ополчения упоминаются еще с X века, а городовые воеводы появились со средины XVI века. Так, при царе Михаиле Федоровиче воеводство практически стало повсеместным и охватывало более 120 русских городов из 150 имевшихся в тот период.

Однако во второй половине XVII века правление городовых воевод в России было упразднено, за исключением городов Сибири и расположенных по окраинам российского государства, где постоянно существовала опасность нападения. Так в Таре воеводство продолжалось до 1882 года.

Не ошибусь, если буду утверждать, что сибирские воеводы, возглавлявшие городки и остроги с средины XVI века, достойны особого уважения. Давайте, уважаемые читатели, мысленно перенесемся в XVI век и представим себя на месте тарского воеводы...

Строящийся деревянный «из легкого леса» острог, стена из вертикально врытых в землю заостренных вверху бревен общей длиной с версту, возвышающиеся над ней шесть башен, покрытых сверху от непогоды невысокими тесовыми крышами. Въезд и выезд из острога через двое ворот, охраняемых стрельцами.

Внутри острога стоят, тесно прижавшись друг к другу, жилые строения, воеводская изба, канцелярия, житницы для припасов и ясака, таможня, ананатская изба, гостиный двор, погреба, бани, конюшни для лошадей, сенник...

А вокруг бескрайние сибирские дали, синеющая за поймой Иртыша вековая тайга, «урманом» у татар называемая. До Тобольска или Тюмени — сотни верст бездорожья, да болотистые перелески. Надеяться практически не на кого—только на себя да на верных тебе людей. Государства российского — самый край. С тебя, с одного, спрос строгий, на тебя одного вся надежда, для того и власть тебе дана царем русским, ни с кем не делимая. Ведь там, где стоишь ты, воевода, там Россия...

Разумеется, не все Тарские воеводы отвечали по своим внутренним убеждениям столь высокому предназначению, но большинство из них честно выполнило свой долг и достойно благодарной памяти нынешнего поколения тарчан. Учитывая отдаленность и суровость сибирского климата по сравнению с опасность нападения, первоначальный срок службы сибирских воевод был равен двум годам.

Кроме того, с целью исключения злоупотреблений их неограниченной властью, до средины XVII века в крупных сибирских городах, таких, как Тобольск, Тюмень, Тара, Томск и др., назначались по два воеводы, несмотря на нередко возникавшие в связи с этим между ними недоразумения.

В помощь воеводам назначались письменные головы (зав. канцеляриями), дьяки (писари), толмачи (переводчики) и лица духовного сословия. Назначение на воеводство определялось «Царским наказом», в котором кратко перечислялись его основные мероприятия, которые он должен был выполнить за период правления. Воеводское правление, помимо главного командования военной силой, включало целый комплекс ответственных дел, таких, как:

— поддержание порядка в остроге и уезде;
— контроль за сбором ясака (подати, в основном в виде пушнины);
— контроль за деятельностью таможни;
— обеспечение служилых людей продовольствием, жильем, вооружением;
— управление делами всеми волостями уезда;
— производство суда.

Все это и другие, неперечисленные дела требовали определенных знаний и опыта от воевод, твердости в сочетании с гибкостью при проведении в жизнь своих обязанностей, связанных со взаимоотношениями с соседними племенами, порой имевших далеко не мирные устремления. Вот почему во многих царских наказах то и дело встречаются выражения такого рода, как «действовать так, как тебя бог умудрит». Воевода, сдавший свои обязанности другому, обязан был документально отобразить истинное положение дел в воеводстве по состоянию на день сдачи в расписной книге, которая направлялась в Москву, в Сибирский приказ.

Кстати, часть из этих книг сохранилась до наших дней, знакомство с которыми представляет значительный интерес, ибо они позволят достоверно судить о том или ином остроге, городе, о событиях там происходящих.

И еще. В процессе работы в московских архивах в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, в поисках сведений о тарских воеводах, конца XVI и всего XVII века, у меня накопился весьма обширный материал об этой стороне истории Тары, позволяющий утверждать, что Москва в подавляющем большинстве случаев направляла в Тару грамотных, опытных воевод, имевших свою родословную из 915 российских родов, уходящих, порой, корнями в глубокую древность. И не удивительно, что при подборе воеводы в разрядном приказе нередко исходили от относительной значимости той или иной фамилии претендента, а уж потом из его деловых качеств.

Например, род князей Елецких ставился выше Бутурлиных, Одоевских, Измайловых, представители которых были воеводами в Таре. Иногда случалось, что в Тару назначался воевода, деловые качества которого не всегда соответствовали громкой славе его княжеского рода.

При этом следует помнить, что две трети тарских воевод имели звание «князь», а из 500 «стольников», имевшихся в России, в Таре в качестве воеводы побывало около 15 человек в этом звании, что также составляет большой процент титулованных воевод, назначаемых в г. Тару. Все это означает, что в Москве придавали особое положение Таре и назначали воевод, как правило, с положением, имеющих тот или иной титул, звание, т. е. имеющих положительную репутацию.

(Продолжение следует)

(Продолжение. Начало в № 86).

В. Сукач

ТАРСКИЕ ВОЕВОДЫ

Часть II — Исторический очерк

Первые тарские воеводы... Им было труднее из всех последующих воевод. Вот почему дьяки Разрядного приказа всякий раз, а при основании города особенно, тщательно подбирали на воеводскую должность претендентов.

Тарчане знают, что основателем и первым воеводой Тары был князь Андрей Васильевич Елецкий — один из 82-х представителей этого старинного российского рода, берущего начало от Черниговского князя Михаила Всеволодовича. Представители этого рода играли заметную роль в политической жизни Русского государства, особенно в XVI — XVII веках.

Предок Андрея Елецкого князь Федор Иванович Елецкий участвовал в Куликовской битве в 1380 году. Плененный в Ельце Тамерланом, он стал родоначальником ветви князей Елецких, в седьмом колене которого был Андрей Васильевич Елецкий.

Придавая важное государственное значение предстоящей экспедиции князя Андрея Елецкого перед его отправлением в Сибирь на Тару-реку, «... чтоб город сделать высмотря место, где пригоже», в Кремле с ним лично беседовали царь Федор Иванович и его шурин — сороколетний боярин Борис Годунов, ставший вскоре самодержцем России.

Менее года пробыл Андрей Елецкий на воеводстве в нашем городе, откуда, блестяще выполнив царское задание, передав в марте 1595 года воеводские обязанности своему родственнику, князю Федору Борисовичу Елецкому, отбыл санным путем «... ко государю, в Москву».

(Учитывая приближение 400-х летия Тары и повышенный интерес ее жителей к личности основателя города, автор этих строк продолжает накапливать фактический материал об этом воеводе. По окончании поиска и обработки материала он будет передан в редакцию газеты «Ленинский путь»)

В царском наказе второму тарскому воеводе, представителю того же именитого рода Елецких, было сказано: «Лета 7103 (1595 г.) февраля в 10-й день, государь — царь Федор Иванович всея Руси, велел воеводе князю Федору Борисовичу Елецкому да голове Василию Хлопову быти на своей государевой службе в Сибири, в новом городе на Таре, на княж Ондреево место Елецкого, а тамо готовы письменные голова Борис Доможиров да Григорий Елизаров».

В наказе, в частности, ему предписывалось ускорить строительство Тары, пополнить запасы продовольствия, организовать сбор и отправку с охраной в Москву мелкой рухляди (меха), избегая прямого контакта с Кучумом, пока не закончится сооружение острога.

«... а тобольских люменских служилых людей, литву (пленных в Ливонскую войну), казаков и стрельцов... с Тары не отпущать».

Новый воевода, как и первый, с головой ушел в неотложные дела, связанные со строительством острога, города, посада. Занимался вопросом объясачивания населения приданных Таре волостей. Однако главным в его деятельности было укрепление тарского острога от возможного нападения Кучума. Это ему царь предписывал: «... вести дело с великим бережением в новом городе Таре, чтобы на городе и на остроге по стражам и караулам были крепкие казаки и стрельцы по переменым пешие. Собирать любые сведения о Кучуме, чтобы он на Тару внезапно не напал и поруки [illegible] Кучима и волости не извоевал».

При активном участии Ф. Б. Елецкого продолжалось формирование волостей Тарского уезда, проходившее в борьбе с Кучумом и подвластными ему феодальными царьками кочевых племен, обитавших в Западной Сибири. Ближайший его помощник письменный голова Борис Доможиров возглавил первый поход тарских служилых людей с целью поиска хана Кучума.

Поднявшись вверх по Иртышу до «Черного городка», он обратил в бегство Кучума, не потеряв во время похода ни одного воина. Организатор похода Ф. Елецкий и его непосредственный исполнитель Б. Доможиров, как и все участники похода, были отмечены поименной царской наградой.

Зимою 1596 года, сдав свои дела, Ф. Б. Елецкий отбыл в Москву, откуда вскоре был определен на охрану южной границы России от набега крымских татар.

О третьем тарском воеводе Степане Васильевиче Кузьмине — Караваеве до нас дошли крайне скудные сведения. Известно, что, как и его предшественники, воевода Кузьмин-Караваев много внимания уделял «стараниям склонить царя Кучума — быть верным российским подданным». Однако добиться этого воеводе не удалось, т. к. в тот период Кучум еще был достаточно силен, хотя и основательно потрепан.

Это ему, воеводе Кузьмину, старый, полуоглохший, полуслепой Кучум незадолго до своего окончательного поражения от тарских служилых людей, признавая крах своей разбойничьей политики, писал на Тару: «... а от Ермакова приходу и по сии места пытался есьмя встречи стояти, а Сибирь не яз отдал, а сами естя взяли»...

Под руководством воеводы Кузьмина-Караваева был предпринят так называемый Барабинский поход на лыжах ранней весной 1596 года крупным отрядом численностью в 485 человек. Отряд покорил бассейны рек Тары и Оми, дошел до Барабинской степи, но вынужден был из-за ростепели повернуть обратно. И на этот раз Доможиров не понес никаких потерь.

Кроме того, с именем этого воеводы связан переход в Таре от измерения хлебного жалования (зерном) служилым людям от «поморской» меры на «московскую». Дело в том, что первые три года после основания Тары она получала хлеб из Перми Великого Устюга и других городов северной зоны России, где была своя поморская мера. В дальнейшем хлеб в Тару стали завозить из центральных районов страны, где в основе измерения сыпучих тел была «осьмина», равная 105 литрам.

И еще. Воеводой Кузьминым-Караваевым в 1596 году была получена царская грамота «о беспошлинной торговле бухарцев на посаде». С предоставлением льгот «бухарцам» рядом с татарской стала расти и бухарская слобода. С той поры приезжие торговцы вступали в родство с местными татарами. Так Абаз Бачки Шейх из города Сейрама положил начало тарской торговой династии Шиховых.

Следующим воеводой Тары был выходец из древнего знатного российского рода князь Иван Владимирович Кольцов — Мосальский. Это его отец, тобольский воевода князь Владимир Кольцов-Мосальский в ответ на разбойные набеги Кучума в районе Тобольска на свои прежние владения, организовал ответный поход и летом 1591 года, настигнув Кучума у Ишима, разбил его наголову.

Кучум, однако, спасся и с уцелевшими людьми, ушел на юго-восток в Барабинскую степь. В пе-

(Продолжение на 4 стр.)

(Начало в №№ 86, 87)

В. Сукач

ТАРСКИЕ ВОЕВОДЫ

Часть III — Исторический очерк

Шел XVII век. Это было трудное для России время, причем начало века вошло в ее историю как «смутное время». Судите сами: 25-летняя Ливонская война довела до полного разорения крестьян и ремесленников. Постоянные набеги крымских ханов, угонявших в «полон» десятки тысяч людей вместе с их скотом и имуществом, сокращали численность населения страны. Неурожайные годы (1601—1603) сопровождались гибелью многих тысяч людей, вызвали крестьянские бунты. Внутренние раздоры, смуты бояр, недовольство дворян, стрельцов, крестьян, явное безначалие — все это ослабляло Русское государство.

Напряженным внешним и внутриполитическим положением России воспользовались иноземные захватчики: началась интервенция польско-литовских феодалов. Войска польского гетмана Жолкиевского, овладев Смоленском, вскоре ринулись на Москву, куда вошли ночью, воровски благодаря измене бояр. На севере шведы перешли в наступление, захватив русские города: Новгород, Нарву... Запорожские казаки опустошали города Брянск, Чернигов, Козельск, Вязьму. Недалеко от Москвы стояло войско 2-го самозванца — тушинского вора. Лишь после того, как в 1612 году ополченцы Минина и Пожарского прогнали польских захватчиков, а шведы были изгнаны из Новгорода, началось медленное восстановление былого могущества Русского государства.

Разумеется, эти трудные годы не могли не отразиться на положении дел в Сибири, т. к. русское правительство не смогло уделять сибирским, и в частности тарским воеводам, должного внимания и помощи. Потребовался не один десяток лет, чтобы Россия обрела утерянную мощь и единство населявших ее народов. Москва, как никогда, нуждалась в деньгах, столь необходимых для покрытия огромных расходов, требовала от сибирских воевод увеличения поставки мехов.

Воеводы, выполняя царские приказы, вынуждены были увеличивать ясак на меха, вызывая явное недовольство местных жителей. Работая по сбору данного материала в Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА), мне довелось ознакомиться с любопытным документом, подтверждающим это положение. В жалобе татар тарского уезда на имя русского царя сообщалось: «...Елецкий брал по 18 соболей, как поставил Тару, а при воеводе Ф. Елецком — 19 соболей, а при воеводе Кузьмине — 22 с половиной соболя». При этом правительство требовало от воевод: «... с торговых и промысловых людей мягкой рухлядью (мехом), а не деньгами».

Первым тарским воеводой наступившего XVII века был князь Андрей Бахтеяров, письменными головами которого были А. Головленко и В. Окинфов. Известно, что на имя этого воеводы от царя поступил наказ о том, чтобы «служилые, жилецкие и ясачные люди служили и прямили во всем царю Борису Годунову и его сыну Федору».

Сменивший его в 1603 году воевода князь Солнцев-Засекин Иван Андреевич, согласно записи в Синоднике Ивана Грозного, относился к роду опальных князей, таких, как Шаховские, Кайсаровы, Измайловы и др.

Это на его воеводстве в Тару прибыли первые 38 человек ссыльных из Москвы, а из центральных районов России первая партия пашенных крестьян в количестве 63 человек. Царь Борис Годунов в наказной грамоте требовал от воеводы «...а кормить тех крестьян из государевых житниц».

Следует отметить, что И. А. Солнцев — Засекин был потомственным воеводой. Его отец, князь Андрей Солнцев-Засекин, был воеводой в Ливнах в 1598 году, а затем отозван в Москву. Сын Ивана Андреевича в 1624 году, как и его дед, был воеводою в г. Ливны по охране одной из трех засек России.

В 1604 году воевода И. А. Солнцев-Засекин доносил в Москву о начале набегов на Тарский уезд и об оживлении деятельности наследников Кучума. Челобитные ясачных людей тарских волостей наполнены просьбами о присылке служилых людей для защиты, т. к. их постоянно грабят, берут в плен, снимают кочевые места и промыслы. Не надеясь особенно на помощь Москвы, терзаемую захватчиками, тарские воеводы стали сами организовывать вооруженные вылазки за пределы Тарского уезда. Так, в результате похода в 1608 году против калмыков отряда тарчан численностью в 239 человек под командой ротмистра В. Волконского послы калмыцкого Урлюк-тайши вскоре прибыли в Тару для переговоров о взятии их «под государеву руку».

Правивший Тарой с 1606 по 1608 годы воевода князь Сила Иванович Гагарин происходил от могущественного рода, берущего начало от Рюриковичей. Помимо чисто военных мероприятий, воевода С. И. Гагарин уделял значительное внимание восстановлению Тары как важного торгового и промышленного центра среднего Прииртышья. Это при нем Тара «довольствовала» солью почти всю Западную Сибирь, давая в год до 400 центнеров соли (2400 пудов), которая, как писал тарский летописец, была»... зело чиста аки снег».

Воевода С. И. Гагарин, выполняя требования царской грамоты, послал служилых людей в Бухару и калмыцкие улусы с предложением привозить в Тару свои товары для беспошлинной торговли. А уже в следующем, 1608, году в Тару вместе с тарским посланцем А. Бойкачем прибыли калмыцкие торговцы, пригнавшие 550 лошадей на продажу. После воеводства в Таре С. И. Гагарин был направлен воеводой в г. Ярославль.

Кстати род князей Гагариных, как писала газета «Советская Россия» от 12. 01. 90 г, продолжается и в наши дни. В частности в США живет один из его представителей — Григорий Гагарин. И это не единственный случай. Известно, что в наши дни немало потомков родов Оболенских, Засекиных, Воротынских, Одоевских, Лобановых, Буйносовых, Барятинских, Измайловых, Карповых, Мосальских, Сумбуловых, Бутурлиных, Мещерских, Волконских, Воронцовых, Вельяминовых живут и здравствуют как в нашей стране, так в других странах мира.

Принявший обязанности от князя С. И. Гагарина, Иван Михайлович Годунов был первым тарским воеводой в звании «стольник». Известно, что «стольник» — это придворная должность с XII века, перешедшая впоследствии в придворное звание. Всего в России было около пятисот «стольников», из которых 12 человек были воеводами в Таре.

Будучи воеводой Тары, И. М. Годунов уделял большое внимание защите города и волостей уезда от набегов калмыков. Ивану Михайловичу Годунову не откажешь в гуманном отношении к беглым крестьянам. Еще будучи воеводой Туринска (1606—1607 г.) и Пелыма (1608 г.), он, не смотря на строжайший запрет Москвы, принимал беглых крестьян из северных и центральных районов России и вписывал их в Писцовые книги без обязательного 10-летнего испытательного срока. Кстати, автором этих Писцовых книг в Сибири оказался письменный голова Перми Великой Михаил Кайсаров, будущий младший тарский воевода в 1627—1628 гг.

Потомственный представитель московского боярства, Кирилл Семенович Воронцов - Вельяминов (1615—1619 г.) вошел в историю Тары как ее первый опальный воевода. Однако тарский период воеводства К. С. Воронцова-Вельяминова оказался для него весьма успешным. Это по его настойчивым просьбам воеводы Тобольска и Тюмени посылали своих служилых людей в состав формируемых в Таре отрядов для отражения набегов калмыков.

И совершенно не случайно в царской грамоте, посланной в 1618 году, выражена похвала тарскому воеводе К. С. Воронцову - Вельяминову: за успешную организацию борьбы с немирными кочевниками, в результате которой был разгромлен Ишим - царевич, выступавший вместе с калмыками. Именно после такого события калмыцкие тайши прислали в Тару своих послов для ведения переговоров о подданстве, чтобы узаконить их пребывание в Тарском уезде.

И еще. По распоряжению Кирилла Семеновича из Тары в Москву были в качестве трофея отправлены 58 верблюдов, которые благополучно дошли до столицы.

В «Российском родословном сборнике», изданном в 1845 году, на странице 227 в разделе «Тара (Тарской, Тарской город)» читаем:

«...1627—1628 г.г. апреля 14 князь Юрий Иванович Шаховский, да Михайло Федорович Кайсаров по Калмыцкому делу, они «были в Тобольске в опале от государя четыре года жили».

Из всех тарских воевод фигура Ю. И. Шаховского была наиболее противоречива и неоднозначна. Юрий Шаховский был выходцем из знатного российского княжеского рода, дядя которого, М. Шаховский, в 1600 году отправился из Тобольска в низовья Оби во главе отряда стрельцов, основал Мангазейский острог и был его первым воеводой.

Воеводство его племянника Юрия Шаховского в Таре совпало с восстанием тарских татар и осадой города калмыками. Волевой, требовательный, грамотный воевода, он немало сделал по укреплению тарского острога, пытаясь одновременно мирным путем разрешить затянувшийся конфликт между русскими и кочующими отрядами воинственных калмыков. По его настойчивым просьбам из Тобольска была направлена подмога тарскому гарнизону в количестве 80 человек.

Выполняя наказ воеводы, тарский сын боярский Е. Заболоцкий вел мирные переговоры с калмыцким тайшой Мангымом, пытаясь склонить последнего к мирным переговорам с Тарой. За подписью Ю. Шаховского в Москву из Тары было отправлено несколько воеводских отписок о положении Тары, окруженной калмыками. В одной из них он сообщал: «... и самой Таре, а не только ясашным людям большая опасность от калмыков»...

Не рассчитывая на подвоз продовольствия в Тару в этих условиях, воевода распорядился посеять на прилегающих к Таре еланях несколько десятков гектаров ржи, ячменя, овса. Это по его распоряжению тарский казачий атаман Н. Жадовский обследовал в 1628 году устье реки Омь на предмет возможности возведения там острога, о чем им было доложено письменно русскому царю.

Одновременно нельзя не отметить наличия у него таких негативных черт характера, как грубость, неуважительное отношение к простым людям, заносчивость, что и послужило причиной отправки в Москву челобитной за подписью нескольких человек. В челобитной, в частности, сообщалось, что тарский воевода Ю. Шаховский «... занимается лихоимством и сбором ясака превежом и жесточью».

Вскоре он был отстранен от должности (а вместе с ним и М. Ф. Кайсаров) и отправлен в Тобольск. Только спустя четыре года специальным указом царя двум бывшим опальным тарским воеводам было разрешено вместе с семьями возвратиться в Москву.

Следовательно, не соответствует действительности утверждение М. Юрасовой, автора книги «Город над Иртышом», что Ю. Шаховский и М. Кайсаров были казнены.

В 1629 году воевода князь Федор Федорович Волконский принял город от опального Ю. Шаховского в момент готовящегося восстания тарских татар, получивших поддержку со стороны калмыцких тайшей, чьи отряды то и дело маячили в непосредственной близости от города. Однако благодаря энергичным мерам воеводы Ф. Волконского тарский гарнизон, несмотря на значительные трудности, выдержал осаду нападавших.

Воевода много сделал по ликвидации урона, который нанесли нападавшие городу и уезду. По существу, им был предотвращен надвигавшийся голод на Тару, и как следствие его — эпидемии. К чести воеводы Ф. Волконского он справился со своими нелегкими обязанностями и отбыл из Тары в 1631 году, по-

(Продолжение на 4 стр.)

(Начало на 3 стр.)

...чил новое назначение на воеводство в город Боровск.

Несколько слов о тарском воеводе князе Федоре Петровиче Борятинском (1633—1638 г. г.) Это его старший брат Никита Петрович Борятинский, в период с 1631 по 1632 год был тарским воеводой. Продолжая политику старшего брата, он много сделал для укрепления ее гарнизона. Воевода добился перевода в Тару из Нижнего Новгорода около ста иноземцев: поляков, литовцев, башкир, что увеличило численность ее защитников.

Ему, князю Ф. П. Борятинскому, царь Михаил Федорович повелевал: «... возобновить внутренний острог и обнести его стены рвом». Воевода приступил к выполнению наказа и занимался им вплоть до отъезда из Тары. Это при его воеводстве в Таре была получена царская грамота относительно срока службы воевод на одном месте:

«...наперед сего 7143 года (1635) было в сибирских городах и острогах воеводы по два года, а ныне велено быть по три года и больше».

Что касается послужного списка воеводы Ф. Борятинского, то он весьма впечатляет. Перед назначением в Тару он воеводствовал в Рязани, Ярославле, Новгород — Северском, Переяславле — Рязанском.

Принявший у него воеводские обязанности князь Федор Бельский представлял один из знатных российских родов, находился в Таре с 1632 по 1634 год. По его настойчивой просьбе Москва выделила из Нижнего Новгорода для Тары 300 семей служилых людей, что позволило значительно увеличить ее гарнизон.

Главное внимание воевода уделял укреплению обороны Тары, подвергшейся второй осаде со стороны калмыков и татар. Кстати, его дед, Н. Бельский, при царе Борисе Годунове был обвинен в неверности к царю, за что его судили и наказали —выщипать всю бороду у позорного столба... Сын Ф. Бельского в 1667 году был воеводой г. Тобольска.

Воевода князь Григорий Иванович Бутурлин потомок старинного московского боярского рода, числился по летописи как «выезжий из Литвы». Известно, что 28 человек из этого рода служили воеводами в русских городах. В частности его отец — Иван Бутурлин был воеводой г. Ливны в 1610 году — в наиболее трудный период «смутного времени» для России. Его дед числился в списках опальных при царе Иване Грозном. С именем этого тарского воеводы связано получение царского указа в 1647 году, в котором шла речь об отмене ранее действовавшего, когда на воеводство в сибирские города назначалось по два воеводы.

«... С того времени в Таре учли быть по одному воеводе», — писал летописец.

Шли годы. Менялась обстановка в Сибири, в частности в среднем Прииртышье, изменялась и роль Тары в грандиозном процессе освоения и заселения Сибири, что существенно меняло роль и деятельность тарских воевод. Помимо чисто военных проблем, они все больше уделяли внимание вопросам торговли, развитию промыслов, ремесла, хлебопашеству, освоению природных богатств уезда.

При этом на первом месте оставалась задача — сохранение за Тарой роли главного форпоста России на юге Западной Сибири, ее важного центра торговли с городами Сибири, Урала, Средней Азии и Китая. На решение этих и других задач и были направлены усилия последующих тарских воевод.

Тара росла, крепла, вокруг нее возникали новые поселения, формировались отряды и экспедиции из служилых людей для обследования и освоения новых обширных пространств Сибири и Дальнего Востока.

Решению этих и других проблем и были направлены усилия тарских воевод и в частности князей: Г. Бутурлина (1647—1649 г г.), И. Чаадаева (1652—1656), Ф. Мещерского (1668—1673), стольников: М. Лодыгина (1679—1681), К. Павлова, (1683—1686), стольника-князя Г. Волконского (1687—1689), стольников М. Тургенева (1694—1699) и М. Воронцова - Вельяминова (1699—1701)

Это подтверждается той обширной перепиской, которую вели тарские воеводы с Москвой. Тобольском и другими городами Сибири, большая часть которой относится к проблеме мирных взаимоотношений с калмыками, остяками манси, башкирами, татарами, киргизами и другими народами Сибири. При этом одной из главных задач тарских воевод по-прежнему оставалась проблема ее обороноспособности.

Последним тарским воеводой XVII века был стольник Митрофан Иванович Воронцов - Вельяминов, отпрыск старинного московского боярского рода, один из которых Кирилл Воронцов-Вельяминов был тарским воеводой еще в начале XVII века, получивший царскую грамоту (в 1618 г.) с выражением похвалы за разгром Ишим-царевича.

Не был обойден вниманием царя — Петра Первого—и Митрофан Воронцов - Вельяминов за его усилия по укреплению Такмыкской слободы — первого линейного укрепления Тары, удостоенного царской грамоты: «От Великого государя и великого князя Петра Алексеевича всея великая Россия самодержца», который писал тарскому воеводе: «....В нынешнем 7207 (1699 г.) жалуем тебя Митрофан, похваляем...»

Воевода уделял большое внимание и другим вопросам, в частности торговле. Два среднеазиатских каравана встречал в Таре воевода М. Воронцов - Вельяминов, доставивших товары из Яркенда и Бухары.

Продолжалось строительство Тары, как военно - административного центра, сыгравшего важную роль в становлении системы верхиртышских крепостей.

К концу XVII века Тара выступила как один из постоянных поставщиков «мягкой рухляди» на Тобольском рынке. По удельному весу в общем стоимостном балансе тобольского пушного рынка она занимала второе место после Тобольского уезда. О размахе торговли можно судить по отписке тарского воеводы, сообщавшего в Москву о том, что калмыки и бухарцы для торговли и проживания ставят юрты, так как татарской гостиный двор «слишком мал, ветх и тесен».

В административном отношении Тара подчинялась тобольской администрации, хотя из Москвы в конце XVII было получено указание: «ни о чем в Тобольск не отписывать», а по всем вопросам обращаться непосредственно в Сибирский Приказ, в Москву.

Становление Тары в XVII веке явилось крупнейшим событием в Сибири, одним из важнейших и прогрессивных, результатом освоения среднего Прииртышья, способствовавшему защите коренного населения юга Сибири, прекращению кровавых распрей враждовавших между собой родов.

(Продолжение следует)

В. Сукач

ТАРСКИЕ ВОЕВОДЫ

Часть III — Исторический очерк

(Начало в №№86, 87, 89).

В. Сукач

ТАРСКИЕ ВОЕВОДЫ

Часть IV — Исторический очерк

С момента основания Тары из Москвы, Тобольска и других городов, а также в обратном направлении шла разнообразная почта, приравненная по важности к почте с «Засечных сторон»

И днем и ночью, меняя лошадей, скакали «непьющие» ямщики в сопровождении небольшой охраны, преодолевая порой за сутки до 120 — 150 километров в условиях сибирского бездорожья, доставляя из столицы в Тару царскую почту за 25—30 дней. В плотных мешках находились опечатанные пакеты, конверты с надписью: «Сибирь, на Тару, воеводе».

В первой царской грамоте, полученной в Таре в 1595 году на имя воеводы Ф Б. Елецкого и письменного головы Д. Доможирова, шла речь о назначении боярского сына Сергея Гололенкова стрелецким сотником, присланного на место Семена Ладожанского, которого «..велено было отпустить в Москву, т. к он был послан в Тару с проездом на три годы».

В том же году из Тары ушло в Москву первое боевое донесение о походе против Кучума. В сборнике, именуемом «Обозрение столбцов Сибирского приказа за 1592—1768 г. г.», имеются конкретные сведения о переписке тарских воевод с Москвой. Помимо царских наказов, адресованных каждому новому воеводе, имеются копии многочисленных наказов воеводам по самым различным сторонам их деятельности в Таре. Речь в них идет о раздаче жалованья служилым людям, о пашенных крестьянах, о взимании выделенного снопа со служилых и жилецких людей, о взимании пошлин с торговых людей, о калмыцких делах, о государственной печати для Тары и о многом другом.

В свою очередь, из Тары шли отписки воевод и челобитные от населения города и уезда в Москву, в Тобольск Здесь и боевые донесения о первых походах тарских служилых людей против Кучума, о сборе ясака, о раздаче жалования, о состоянии дел в приведенных к «шерти» нескольких улусов, об отправлении в Москву ясачной казны и сведения о сопровождавших ее лицах из числа тарских служилых людей и т п.

Количество царских грамот, приходивших в Тару, колебалось из года в год, от одной до 6—8 и более. Так, в 1625 году царских грамот было получено десять штук (воевода С. И Истленев), на которые отправлено в Москву восемь отписок.

Только за первые тридцать лет существования Тары из Москвы было отправлено 42 царских грамоты, 10 наказов, 10 отписок и множество челобитных и других деловых бумаг. Это не считая воеводской переписки относительно ведения дел, всевозможных отчетов и другой переписки, которую вели воеводы с Москвой, Тобольском и другими городами страны.

При этом следует помнить, что в результате многочисленных пожаров в Таре, Тобольске, Москве очень многие документы безвозвратно пропали, уничтожены огнем Поэтому речь идет лишь о сохранившихся и дошедших до наших дней этих бесценных и исторических свидетельствах, повествующих о делах и событиях тех далеких дней.

Несколько слов о незадачливом тарском младшем воеводе Неупокое Андреевиче Кокошкине, находившемся на тарской службе с 1632 по 1634 год. Известно, что в Сибири не было крепостного права, что делало ее жителей относительно свободными людьми от помещиков. Всем боярам, воеводам запрещалось брать из Сибири людей и увозить их в свои имения, расположенные в Европейской части России «для незаконного закабаления». Н. А Кокошкин решил пренебречь царским запретом и, возвращаясь из Тары после окончания воеводства, «прихватил» с собой калмычку и двух ее детей в возрасте 12 и 14 лет. На таможне в г. Верхотурье незадачливый «крепостник» был задержан, и ему было предписано отвезти «калмычку и калмыцких детей» за свой счет обратно в Тару, мотивируя, что «калмычка и калмычата» имеют христианские имена.

В XVI — XVII веках русское государство было вынуждено осуществлять комплекс мероприятий по защите своих южных рубежей от крымских татар, периодически совершавших опустошительные набеги на его земли, грабя и убивая многих жителей уводя в плен десятки тысяч пленных с целью обращения их в рабство или для продажи в Стамбул и другие города Востока. Здесь, на путях движения татарской конницы, располагались оборонительные рубежи — засеки, которые не позволяли татарам внезапно врываться во внутренние районы России

Такие линии состояли из цепи городов, острогов и острожков, между которыми устраивались рвы, насыпи, лесные завалы, урочища, на которых через каждые 10—15 километров неслись дозоры, воины которых несли службу «с коней не слезая». Таких линий было три, причем наиболее важной была Вожская засека, куда входили такие города, как Елец, Ливны, Воронеж, Курск и т. д.

Ежегодно на эти линии направлялось «конны, людны и оружны» до 100 тысяч человек. Возглавляли эти города самые опытные и волевые воеводы Немало тарских воевод проходило свою службу на этих «засечных» линиях. Так, основатель Тары А. В. Елецкий в течение почти трех лет после Тары, будучи воеводой г. Ливны, берег от крымских ханов прямую дорогу на Москву

(Продолжение следует).

(Окончание, начало в №№ 86, 87, 89, 94).

В. Сукач

ТАРСКИЕ ВОЕВОДЫ

Часть IV — Исторический очерк

Сюда же после службы в Таре были направлены воеводы Кузьмин-Караваев, И. В. Солнцев-Засекин, Ф. Ф. Волконский, И. П. Байков и др. Кроме того, немало тарских воевод прибыло в наш город на воеводство, побывав на этих засеках в качестве воевод или командирами полков. Среди них: М. Т. Измайлов, Н. М. Борятинский, С. И. Испенев, И. А. Чаадаев, Ф. П. Борятинский и др. Не было в ту пору дела важнее, чем крымцев до русских вемель не допускать. И не допустим, надежно защитив ее от непрошенных гостей.

⊙ ⊙

Немало тарских воевод, после окончания службы в нашем городе получили повышения по новому месту службы. К их числу по праву относится первый воевода Тары князь А. В. Елецкий.

В царском наказе от 10 февраля 1595 года говорилось: «...А князя Андрея Елецкого из Сибири, из нового города Тары отпустить ко Государю в Москву». В дальнейшем имя А. В. Елецкого встречается в официальных документах, в частности на приемах польского посла царем Борисом Годуновым в Москве в Грановитой палате. Более подробно о князе А. В. Елецком будет сообщено в готовящемся о нем материале.

Для совершенствования управления страной в 1644 году при Царском дворе был образован Государственный Совет, состоящий из тридцати пяти наиболее опытных и грамотных людей, в состав которого, утвержденного царем Алексеем Михайловичем, был включен стольник Василий Александрович Чоголков — бывший тарский воевода в период с 1638 по 1642 год.

Это ему, В. Чоголкову, в бытность на службе в Таре в царском наказе вменялось: «...возобновить внутренний острог и обнести стены рвом». Воевода, исполнив наказ, в отписке в Москву сообщал: «...отрыл вдоль городовой стены, от речки Аркарки с полевой стороны ров от города с насыпью в подвесажени печатных (4 метра), а дно у рва аршин с четью и рву тому длина 700 сажени». Кроме того, воевода увеличил численность тарского гарнизона, укрепил дисциплину среди служилых людей.

В середине XVII века в Москве управление всеми сторонами деятельности государства осуществлялось через 33 Приказа, таких, как Приказной, Стрелецкий, Иноземный, Разрядный, Челобитный, Аптекарский, Сускной, Таможенный и т. п.

В их числе был и Холопий приказ, где составлялись особые грамоты — кабалы, о тех людях, которые попадали в крепостную зависимость от богатых земледельцев.

С 1642 года этот Приказ возглавлял Степан Иванович Исленев, который с 1625 по 1627 год был воеводой Тары. Работая над архивными документами в ЦГАДА, мне удалось прочесть несколько отписок С. И. Исленева в Москву. Вот одна из них: «...а три наших волости были разорены кочевниками, а ясашных людей многих побили, а часть в плен силой увели». Кстати его сын Степан Степанович Исленев, живущий с отцом в Таре, пошел по пути отца. В 1641 году он был воеводою города Орла — важнейшего пункта на «южной засеке» России, куда назначали опытных воевод. В наступившем XVIII веке, особенно в период деятельности Петра I, прогрессивные преобразования существенно отразились на положении воевод, изменили характер их деятельности, в частности в сторону ограничения их практически бесконтрольной власти.

Более полутора веков еще продолжалось воеводство в Таре, в осуществлении которого участвовало несколько десятков воевод. Разумеется, это тема специального разговора и не только на страницах газеты «Ленинский путь». Если XVI век считается веком зарождения воеводства на Таре, то XVII век — век расцвета воеводства, после чего начался закат этой формы правления городской жизни Тары.

Тарские воеводы оставили неизгладимый след в истории нашего города, многое сделали для его становления, расцвета торговли, в защите коренного населения от разорения и угона в рабство воинствующими племенами Джунгарии, в освоении среднего Прииртышья и Западной Сибири в целом.

В этой связи вторично предлагаю решить вопрос о переименовании (или дать название новой улице) одной из улиц Тары в Воеводскую. Это было бы данью памяти нынешнего поколения тарчан бывшим тарским воеводам (общее число которых за три столетия воеводства составляет около ста человек), подавляющее большинство которых достойны этого благородного шага с учетом приближающегося 400-летия Тары.